

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 1939–1945 гг.

А.Г.Чевтаев
Екатеринбург

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ВОЙНА В ЕВРОПЕ (сентябрь 1939 г. – июнь 1941 г.)

Концепция европейской политики И.Сталина летом 1939 г., нашедшая выражение в советско-германских соглашениях августа–сентября 1939 г., включала следующие основные положения: неучастие СССР в любом военном конфликте между Германией и западными державами; подготовку Красной Армии к отпору любым провокациям, могущим сорвать договоренности Берлина и Москвы; закрепление СССР в восточноевропейской “сфере интересов”; создание благоприятных условий для войны Германии с Францией и Британией. При всех неблагоприятных последствиях эта концепция с точки зрения нашей страны не имела реальной альтернативы.

Начальная фаза реализации этой программы (осень 1939–весна 1940 гг.) дала важные результаты. Москва включила земли Восточной Польши – Западную Украину и Западную Белоруссию – в состав СССР, посредством навязанных договоров о союзе и взаимной помощи утвердилась в Эстонии, Латвии и Литве и развязала войну против непокорной Финляндии. Эти действия сопровождались новым демонстративным сближением СССР и Германии: договором о дружбе и границе, заявлением Москвы и Берлина о создании “миролюбивого фронта” против западных “поджигателей войны”, принятием долгосрочной программы экономического сотрудничества двух стран.

При оценке этих событий следует учитывать такие факторы, как неизбежность радикальной перекройки геополитической карты Восточной Европы и необходимость для СССР максимально возможно продвинуть на запад рубеж противостояния Германии, расчет на легкость дипломатического или военного подчинения названных стран требованиям Кремля, наконец, наличие в менталитете И.Сталина сильного призрака “сговора” западных демократий с нацистами. “Странная война” на Западном фронте и вероятность вмешательства Лондона и Парижа в советско-финскую войну сделали неизбежным “тур вальса” Москвы и Берлина осенью 1939 г. – весной 1940 г. В достижении указанных целей СССР, несомненно, понес определенные поте-

ри, особенно в связи с войной в Финляндии. Но в целом в рамках европейского противостояния в “треугольнике” Запад—Германия—СССР И.Сталин заметно укрепил свои позиции.

В скоротечной фазе развития ситуации мая—июля 1940 г. произошли еще более глубокие перемены. Распался англо-французский союз, нацисты оккупировали значительную часть Западной и Северной Европы. И хотя Москва поздравила Гитлера с успехом, эти радикальные изменения объективно были весьма опасны для СССР. Москва закрепила свои предыдущие успехи в Восточной Европе включением прибалтийских государств, а также Бессарабии и Северной Буковины в состав СССР.

В Берлине действия Кремля были восприняты как знак того, что Москва отнюдь не полагается на “дружбу” с Великой Германией. Другими признаками твердости позиции СССР стали беседа И.Сталина с недавно прибывшим британским послом С. Криппсом, а также скрытое поощрение антигерманских настроений на Балканах. В какой-то момент фюрер обдумывал вариант вторжения в СССР в августе—сентябре 1940 г. Но эта мысль была отброшена, и 31 июля было принято решение подготовить и осуществить его весной 1941 г.

Москва в тот момент заняла осторожную позицию. В.Молотов на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г. отверг как “негодные” западные спекуляции по поводу “разногласий” между СССР и Германией в связи с “перспективой усиления могущества” последней. Однако военномобилизационные меры Советского правительства летом 1940 г. и публичное напоминание слов И.Сталина о необходимости поддерживать “готовность перед лицом опасности военного нападения” вполне перекликались с решением нацистов 31 июля.

В августе—декабре 1940 г. обстановка в Европе претерпела дальнейшие серьезные перемены. В конце октября вторжение Италии в Грецию обнажило клубок противоречий между великими державами на Балканах. Гитлеровцы активно готовили вступление ряда стран Юго-Восточной Европы в систему Тройственного пакта, или “нового порядка”, что практически означало формирование геополитического плацдарма будущего германо-советского фронта.

Москва стремилась помешать этому путем расширения своего влияния в Румынии, Болгарии, на Дунае и в Проливах. В ответ на попытку Берлина разыграть против СССР схему раздела “британского наследства” путем присоединения СССР к Тройственному пакту советское руководство предложило свой вариант нового порядка в евразийском пространстве. Он включал схему Гитлера — приобретение “жизненных пространств” в южном направлении от метрополитных владений

Германии, Италии, Японии и СССР, но имел два принципиальных дополнения: признание особого и вместе с тем равноправного статуса СССР и Германии в рамках “пакта четырех” и *гарантию* отказа гитлеровцев от превентивной военной угрозы против Москвы. Последняя заключалась в переходе Финляндии, Румынии, Болгарии и Турции в “сферу влияния” СССР, о чем речь шла на переговорах В.Молотова в Берлине 12–13 ноября 1940 г.

Но советские требования не просто расходились с существом нацистских замыслов на Востоке, но создавали реальную угрозу самой Германии. Вермахт практически ставился в полную зависимость от Москвы в получении румынской нефти, составлявшей львиную долю двигательной силы немецкой армии. Не менее важным было другое следствие требований Москвы: Красная Армия получала реальную возможность нанести превентивный удар в центр гитлеровской “крепости Европа”. Ответом Берлина стало подписание 18 декабря 1940 г. директивы по “плану Барбаросса”.

Завершающая фаза военно-политического курса СССР с января по июнь 1941 г. оказалась еще более противоречивой. В январе Москва расширила контакты с Римом в надежде использовать противоречия между Италией и Германией для противодействия нацистам в Юго-Восточной Европе. Кремль молчаливо одобрил усилия Лондона сплотить Турцию, Грецию и Югославию, чтобы сдержать включение их в систему “нового порядка”. Но когда англичане в попытке согласовать параллельные усилия Британии и СССР предложили поездку главы Форин офиса А.Идена в Москву в феврале 1941 г., И.Сталин отказался.

И все же в поведении Кремля до апреля 1941 г. преобладали элементы предупреждения и противодействия, высшей точкой которых стало подписание 6 апреля Договора о дружбе и ненападении между СССР и Югославией. Однако сразу после вторжения вермахта в Югославию и Грецию Москва сменила тактику. Она забыла о “флирте” с Лондоном и Белградом, признала только что возникший прогерманский режим Р.Али Гайлани в Ираке, выдворила из страны дипломатов эмигрантских правительств и, наконец, выразила готовность провести с немцами серьезные переговоры для разрешения трудностей в двусторонних отношениях.

“Умиротворение” нацистов в мае–июне 1941 г. было крупной политико-экономической игрой, которая вместе с лояльным выполнением экономических обязательств и другими действиями советской стороны была призвана скрыть ее подлинный замысел – нанести превентивный удар по Германии. Сталин прекрасно понимал, что Гитлер готовится к вторжению в СССР и будет стремиться застать его врасплох. Но советский вожь по-

лагал, что без разгрома англичан или тайного сговора с ними – а к концу июня 1941 г. не было достигнуто ни то ни другое – нацисты не начнут войну на Востоке, ибо это означало бы риск войны на два фронта, чего Гитлер ни в коем случае не мог и не должен был допустить. Поэтому даже в канун 22 июня 1941 г. И.Сталин считал, что у него есть определенный запас времени для опережения смертельного врага. Сообщения же о сроках вторжения вермахта в Кремле расценивали как составную часть провокационной игры Запада, а возможно, и некоторых кругов в Германии.

Гитлер же полагал, что Британия, даже поддержав СССР после начала “Барбароссы”, не создаст серьезных помех Германии и тем более не откроет второй фронт в Европе. Его расчет полностью подтвердился.

Однотипность стратегических замыслов Гитлера и Сталина – опережающий удар и быстрая победа – вовсе не означала совпадения их политических замыслов, а значит, характера планируемых войн. Для Берлина разгром СССР, помимо жестокого насилия и истребления миллионов советских людей, был решающей предпосылкой в окончательном порабощении народов Европы и других континентов. Для Москвы же разгром Германии означал главным образом устранение угрозы нацистского порабощения СССР, хотя при этом возникала бы опасность советизации Юго-Восточной Европы и, возможно, Германии. Но даже в наихудшем варианте эта опасность с точки зрения *всех народов Европы* была бы несравненно меньше той, которая выростала из замыслов нацистов и которая стала реальностью после 22 июня 1941 г.

А.Витале
Милан, Италия

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЦЕЛЯХ И МЕТОДАХ СОВЕТСКОЙ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В ПЕРИОД 1938–1940 ГГ.
В ИТАЛЬЯНСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ
ДОКУМЕНТАХ И ПУБЛИКАЦИЯХ

В годы, предшествовавшие началу второй мировой войны, советская внешняя политика изучалась и анализировалась с двух точек зрения, которые иногда совпадали, но чаще различались – с дипломатической и с журналистской. Последняя проявлялась на страницах журналов, занимавшихся проблемами внешней политики, среди которых важнейшим был журнал “Внешняя политика”.